

A romantic scene between a man and a woman in 18th-century attire. The woman, on the left, has long, wavy brown hair and is wearing a light blue, off-the-shoulder dress with lace detailing on the sleeves. She is looking up at the man with a soft expression. The man, on the right, has a beard and is wearing a white shirt with a dark vest and a dark bow tie. He is looking down at the woman. They are standing in front of a wooden bookshelf filled with books. The lighting is warm and dramatic, highlighting their faces and the textures of their clothing.

Майя М.

Муж на неделю

Майя М.

Муж на неделю

«Автор»

2026

М. М.

Муж на неделю / М. М. — «Автор», 2026

Муж и жена обвиняют друг друга в насилии и избиении, но оба страдают циклической амнезией: она не помнит вторник, среду и четверг, он — пятницу, субботу и воскресенье. За взаимными обвинениями скрывается давняя тайна: двенадцать лет назад в библиотеке они стали жертвами таинственного человека, стёршего им память. Теперь прошлое возвращается, и герои должны вспомнить, что произошло на самом деле, чтобы спасти себя и друг друга.

© М. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Время, выпавшее из суток	5
Глава 2. Чужая память	14
Глава 3. Свидетель пустоты	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Майя М.

Муж на неделю

Глава 1. Время, выпавшее из суток

Дождь шёл третий день подряд. Он не прекращался ни на минуту, словно сам воздух над городом утратил способность удерживать влагу и теперь медленно, мучительно сочился водой, пропитывая асфальт, стены домов, одежду прохожих и саму ткань реальности. Анна стояла у окна кухни и смотрела, как капли стекают по стеклу, сливаясь в извилистые дорожки, похожие на вены на уставшей руке. Ей было тридцать четыре года, но этим утром она чувствовала себя на все шестьдесят. Тело ломило, в висках пульсировала тупая, знакомая боль, а во рту стоял привкус железа, будто она всю ночь грызла ржавый гвоздь. Она знала этот привкус. Он появлялся всегда, когда наступало оно.

— Ты опять не спала, — голос мужа прозвучал за спиной неожиданно, хотя шагов она не слышала. Виктор умел передвигаться по квартире абсолютно бесшумно, как большой, хорошо обученный зверь. Анна вздрогнула и обернулась.

Он стоял в дверном проёме, прислонившись плечом к косяку. Высокий, темноволосый, с тяжёлым подбородком и глазами цвета мокрого асфальта. На нём была только мятая серая футболка и спортивные штаны, но даже в таком виде он выглядел так, будто сошёл с рекламы дорогого парфюма. Анна ненавидела это его свойство — выглядеть совершенно и устрашающе в любом состоянии.

— Спала, — ответила она, отворачиваясь к окну. Собственный голос показался ей чужим, слишком тихим, слишком ломким.

— Врёшь, — он подошёл ближе. Она услышала, как скрипнул паркет под его босыми ступнями. — Я слышал, как ты ходила по квартире. В три часа ночи. В четыре. В пять.

— Тебе послышалось.

— Мне не послышалось, Аня.

Он произнёс это без злобы, скорее устало. Так говорят человеку, который уже много раз лгал и будет лгать дальше. Анна сжала пальцы на краю раковины. Фарфор был холодным, почти ледяным. Она попыталась сосредоточиться на этом ощущении, чтобы не провалиться в ту тёмную, вязкую пустоту, которая уже начинала подниматься откуда-то из глубины живота.

— Сегодня понедельник, — сказала она тихо.

— И что?

— Ничего. Просто понедельник.

Виктор подошёл к кофемашине, нажал кнопку. Кухня наполнилась низким, утробным гулом. Анна смотрела, как тёмная жидкость тонкой струйкой наполняет белую керамическую чашку, и думала о том, что кофе она больше не пьёт. Уже несколько месяцев. С тех пор, как начались провалы. Врач сказал — исключить всё, что возбуждает нервную систему. Но Виктор продолжал пить кофе каждое утро, и каждый раз ей казалось, что он делает это назло.

— У тебя приём у невролога в среду, — сказал он, не оборачиваясь. — Я записал.

— Я знаю.

— Не забудь.

Она промолчала. Он всегда говорил с ней таким тоном — ровным, лишённым интонаций, как будто давал инструкции ребёнку или умственно отсталой. И каждый раз она чувствовала, как внутри закипает что-то тёмное, густое, как нефть. Но сегодня сдерживалась. Сегодня она должна была сдерживаться.

Виктор сделал глоток, поморщился — кофе был слишком горячим — и вышел из кухни. Анна осталась стоять у окна. Дождь усилился. Теперь капли барабанили по стеклу с такой силой, что казалось, будто кто-то снаружи пытается достучаться до неё, предупредить о чём-то важном. Она не знала, о чём. Она вообще уже давно мало что знала о своей собственной жизни.

Через час она сидела в спальне перед зеркалом. Большое овальное зеркало в тяжёлой деревянной раме, купленное на блошином рынке ещё в те времена, когда они с Виктором были счастливы. Или думали, что счастливы. Анна уже не могла вспомнить, как это — быть счастливой. Она смотрела на своё отражение и пыталась узнать себя.

Из зеркала на неё смотрела женщина с бледным, осунувшимся лицом. Тёмные круги под глазами, потрескавшиеся губы, растрёпанные волосы, в которых, кажется, появилась первая седая прядь. Или ей просто показалось. Она прищурилась, наклонилась ближе к стеклу. Прядь действительно была седой — тонкая, серебристая, у самого виска. Когда она появилась? Вчера? Неделю назад? Месяц?

Она не помнила.

В этом и заключался весь ужас её положения. Она не помнила. Не помнила целые дни, выпадавшие из её жизни, как куски пазла, которые кто-то невидимый методично вынимал из коробки и прятал. Она просыпалась утром и не знала, что делала накануне. Иногда не знала, что делала целую неделю. Единственное, что у неё оставалось — это дневник, который она начала вести по совету психотерапевта. Три тетради в твёрдой обложке, исписанные убористым, неровным почерком. Она перечитывала их каждое утро, чтобы понять, кто она такая и что с ней происходит. Но даже это не всегда помогало.

Сегодняшнее утро начиналось с пустоты. Она проснулась в половине седьмого, не помня, как ложилась спать. Рядом с ней, на второй половине кровати, лежал Виктор — спал, отвернувшись к стене. Она смотрела на его широкую спину, на тёмные волосы, рассыпавшиеся по подушке, и пыталась вспомнить, как прошёл вчерашний вечер. Пусто. Только смутный образ — что-то с телевизором, какая-то передача про диких животных, и, кажется, она кричала. Или не кричала. Или это было во сне.

Она встала, накинула халат, прошла на кухню. И вот теперь сидела перед зеркалом, пытаясь собрать воедино осколки реальности, которые не желали складываться в цельную картину.

Дневник лежал в ящике туалетного столика, под стопкой старых журналов. Она хранила его там с тех пор, как заметила, что Виктор, кажется, тоже заглядывает в него. Однажды она нашла тетрадь лежащей не на своём месте — сдвинутой на пару сантиметров влево. С тех пор она всегда прятала её под журналами и запоминала расположение закладки. Сегодня закладка была на том же месте. Никто не трогал.

Она достала тетрадь, открыла на последней исписанной странице. Почерк был её, но строчки уходили вкривь и вкось, буквы прыгали, как пьяные. «Воскресенье. День прошёл спокойно. Виктор весь день был на работе. Я смотрела телевизор, читала. Ничего не помню из того, что читала. Кажется, началась новая фаза. Я боюсь. Завтра понедельник. Надо будет...»

Запись обрывалась на полуслове. Анна долго смотрела на неё, пытаясь понять, что она хотела написать. «Надо будет...» Что? Сходить к врачу? Поговорить с мужем? Уехать? Убить его?

Она отбросила тетрадь в сторону и закрыла лицо руками. Пальцы дрожали. Мелко-мелко, как листья на ветру. Это тоже было симптомом. Она знала. Читала в интернете. Диссоциативное расстройство. Циклическая амнезия. Редкий синдром, при котором человек теряет память на определённые промежутки времени, при этом оставаясь функциональным. Она могла прожить целый день, неделю, даже месяц, не запоминая ничего, и при этом вести себя совершенно нормально, разговаривать с людьми, ходить на работу, готовить еду. А потом — пробел. Пустота. Словно кто-то вырывает страницы из книги её жизни.

Диагноз ей поставили не сразу. Сначала говорили о стрессе, о переутомлении, о депрессии. Потом — о мигренях. Потом — о возможной опухоли. Она прошла все обследования, сдала все анализы, сделала все снимки. Ничего. Мозг был чист, как операционная. И тогда психиатр, уставший от её бесконечных жалоб, произнёс это словосочетание — «циклическая амнезия». Сказал, что встречается она крайне редко, что механизмы её возникновения до конца не изучены, что прогнозы неопределённые. А потом добавил то, что она не могла забыть никогда: «Вам нужно быть очень осторожной, Анна Викторовна. В периоды амнезии вы можете совершать поступки, о которых впоследствии не будете помнить. И это может быть опасно. Для вас и для окружающих».

Она не сказала об этом Виктору. Точнее, сказала не всё. Упомянула про амнезию, про провалы, про то, что ей нужно больше отдыха и меньше стресса. Но не стала говорить о том, что «может быть опасно». А может, и зря.

Сегодня она должна была действовать. Понедельник. Понедельник был первым днём после провала, и обычно в понедельник она могла мыслить более-менее ясно. Пустота отступала, оставляя после себя лишь тянущую тревогу и слабость в конечностях. Но с каждым разом это случалось всё позже и позже. Сегодня — уже почти десять утра, а она всё ещё ощущает себя полупустой.

Она встала, подошла к шкафу, открыла дверцу. Внутри висели платья, блузки, пара деловых костюмов. Она провела рукой по ткани, словно искала что-то. На самом деле она просто тянула время. Ей не нужно было выбирать одежду. Ей нужно было выбрать решимость.

Заявление. Это слово засело у неё в голове как заноза. Заявление. Она должна написать заявление. В полицию. На Виктора. За то, что он сделал с ней в прошлый вторник. За то, о чём она не могла вспоминать без содрогания. За то, что провал забрал у неё воспоминания, но не забрал последствия. Синяки на бёдрах. Ссадины на запястьях. И этот отвратительный, липкий страх, который поднимался в ней всякий раз, когда она оставалась с мужем наедине.

Она не помнила самого акта. Не помнила, как это произошло. Но она помнила боль. Помнила, как очнулась в постели — всклокоченная, дрожащая, с ощущением чужеродности собственного тела. Помнила, как пошла в ванную и увидела в зеркале своё отражение — разбитое, униженное, раздавленное. Помнила, как закричала, а Виктор прибежал из кухни и смотрел на неё так, словно она сошла с ума.

— Что с тобой? — спросил он тогда.

— Ты... ты... — она не могла выговорить.

— Я что?

— Ты изнасиловал меня!

Она выкрикнула это в лицо ему, и он побледнел. А потом рассмеялся. Нервно, зло, с каким-то глухим отчаянием.

— Ты сама этого хотела, — сказал он. — Ты сама пришла ко мне. Сама начала.

— Ты врёшь!

— У меня есть видео, Аня. Хочешь посмотреть?

И он показал. На телефоне. Короткий ролик, снятый, очевидно, на скрытую камеру или на телефон, поставленный на тумбочку. На видео она — та, которой она не помнила, — сидела на краю кровати в одних кружевных трусах и тянула к нему руки. Улыбалась. Шептала что-то, что невозможно было разобрать. А потом он подошёл, и они упали на кровать, и дальше...

Она не смогла досмотреть. Выключила телефон, швырнула его на пол. Виктор смотрел на неё с каким-то извращённым удовлетворением.

— Видишь? — сказал он. — Ты сама меня соблазнила. А теперь обвиняешь в изнасиловании. Это как-то нечестно, тебе не кажется?

— Ты... — она снова не находила слов. — Ты знал, что у меня провал. Ты знал, что я не помню. И ты воспользовался.

— Я не знал, что у тебя провал. Ты вела себя так, будто всё в порядке. Будто ты в себе. Откуда мне было знать?

— Ты должен был знать! Ты живёшь со мной! Ты видишь, когда со мной что-то не так!

— Аня, — он поднял руки, словно сдаваясь. — Я не могу залезть к тебе в голову. Если ты говоришь, что не помнишь, — возможно, это правда. Но на видео — ты. Понимаешь? Ты сама. Никто тебя не заставлял.

Она не нашлась, что ответить. Потому что это была правда. На видео была она. И она не помнила ничего. И от этого было ещё страшнее.

С тех пор прошло шесть дней. И каждый день она просыпалась с одной и той же мыслью: надо пойти в полицию. Надо написать заявление. Надо заставить его заплатить. Но каждый раз что-то останавливало её. Страх? Сомнение? Или, может быть, остатки того, что когда-то было любовью?

А потом наступило воскресенье. И она снова потеряла день. И теперь, в понедельник, стоя перед шкафом, она понимала, что тянуть больше нельзя. Если она не сделает это сейчас, то никогда не сделает. А тогда он снова... Он снова...

Она зажмурилась, прогоняя картины, которые услужливо подсовывало воображение. Нет. Сегодня — нет. Сегодня она пойдёт и напишет заявление. Это единственный способ защитить себя.

Она надела тёмно-серое платье, которое придавало ей вид одновременно строгий и жалкий. Идеально для визита в полицию. Собрала волосы в тугий пучок, подкрасила ресницы, хотя руки тряслись так, что тушь пару раз оставила чёрные разводы. Потом достала из сумки паспорт, положила его во внутренний карман. Подумала, достала дневник, пролиستала до последней страницы и дописала одну строчку: «Понедельник. Иду в полицию. Пишу заявление. Виктор должен ответить». Поставила точку, закрыла тетрадь, спрятала её обратно под журналы.

Виктор уже ушёл на работу. Она слышала, как хлопнула входная дверь примерно час назад. Значит, в её распоряжении было несколько часов. Она вышла из квартиры, тщательно заперев дверь. Ключ долго проворачивался в замке, словно сопротивляясь. Наконец щёлкнул, и она осталась на лестничной клетке одна.

Подъезд встретил её запахом сырости и чьих-то позавчерашних рыбных котлет. Она спустилась по лестнице, стараясь не смотреть на облезлые стены. На улице по-прежнему шёл дождь. Она раскрыла зонт и шагнула под водяную завесу.

До отделения полиции было пятнадцать минут пешком. Можно было доехать на автобусе, но ей хотелось пройтись — вдруг ветер выдует из головы остатки страха. Она шла по мокрому тротуару, обходя лужи, и повторяла про себя слова, которые должна будет сказать. «Здравствуйте, я хочу подать заявление. Мой муж меня изнасиловал. У меня есть доказательства». Или нет. Лучше иначе. «Мой муж совершил в отношении меня действия сексуального характера без моего согласия». Формально. Сухо. Так, как любят полицейские.

Она прокручивала эти фразы в голове снова и снова, пока они не потеряли смысл. Слова превратились в пустые звуки, как удары капель по зонту. Наконец она остановилась перед невзрачным трёхэтажным зданием с вывеской «Отдел полиции № 7». Серые стены, решётки на окнах, у входа — несколько мусорных баков, переполненных и зловонных. Всё как обычно. Она бывала здесь раньше. Не в этом отделении, конечно, но в похожих. Почему-то ей казалось, что все полицейские участки выглядят одинаково, как будто их строят по одному проекту где-то в недрах министерства.

Она постояла у входа, собираясь с духом. Дождь барабанил по зонту, создавая ощущение, что она стоит внутри большого барабана. Потом выдохнула, сложила зонт и толкнула тяжёлую дверь.

Внутри было душно и пахло чем-то кислым — то ли потом, то ли дешёвым дезинфицирующим средством, то ли всем сразу. За стеклянной перегородкой сидел дежурный — лысо-

ватый мужчина в форме, с усталым лицом человека, который уже много лет смотрит на чужие беды и перестал им удивляться. Он поднял голову, когда Анна подошла.

— Слушаю вас, — сказал он без всякого интереса.

— Я хочу подать заявление, — произнесла Анна. Голос её прозвучал неожиданно твёрдо.

Она сама удивилась.

— О чём заявление?

— Об изнасиловании, — слово повисло в воздухе, как что-то инородное, чему здесь не место. Дежурный на секунду замер, потом наклонился вперёд, разглядывая её поверх стекла.

— Кто насильник? — спросил он.

— Мой муж.

— Муж, значит, — он откинулся на спинку стула, взял ручку, постучал ею по столу. —

А доказательства есть?

— У него есть видео.

— У него? — дежурный приподнял бровь. — А у вас?

Анна запнулась. У неё не было видео. У неё были синяки на бёдрах и ссадины на запястьях, но она не знала, сохранились ли они до сих пор. Она не смотрела на своё тело с того самого дня. Может быть, они уже прошли. Может быть, их вообще не было.

— У меня есть... — она замолчала.

— Что у вас есть?

— У меня есть провалы в памяти. Я не помню, что произошло. Но я знаю, что это было.

Я чувствовала это.

Дежурный вздохнул, отложил ручку. Его взгляд стал немного сочувствующим, но в основном — скучающим.

— Гражданочка, — сказал он. — Если у вас нет доказательств, а у него есть видео, где вы, скажем так, не сопротивляетесь, то заявление, скорее всего, останется без последствий. Понимаете?

— Но я не помню! У меня амнезия!

— Это надо подтвердить медицинскими документами. У вас есть справка?

— Да, — она сунула руку в сумку, вытащила смятую папку с выписками. — Вот. Всё за последние полгода.

Дежурный нехотя взял папку, пролистал. Бумаги шелестели сухо, как осенние листья.

— Диссоциативное расстройство, — пробормотал он. — Циклическая амнезия. Да, вижу. Ну что ж, это меняет дело. Хотя бы формально. Но всё равно, без освидетельствования и без заявления от вас — ничего не сделаешь. Проходите, сейчас вызову следователя.

Он нажал кнопку на пульте, произнёс что-то в переговорное устройство. Через несколько минут в коридор вышел молодой человек в гражданском, с усталым, но внимательным лицом. Он был худощав, темноволос, на переносице сидели очки в тонкой металлической оправе.

— Следователь Игорь Валентинович Смирнов, — представился он. — Пройдёмте.

Она последовала за ним по тусклому коридору в маленький кабинет, заставленный папками и бумагами. На стене висел календарь с каким-то горным пейзажем, на окне — засохшее растение в пластмассовом горшке. Следователь сел за стол, указал ей на стул напротив.

— Слушаю вас, Анна... — он заглянул в паспорт, который она ему протянула. — Анна Сергеевна. Расскажите, что случилось.

И она рассказала. Всё, что помнила и не помнила. Про провалы, про дневники, про то утро, когда проснулась с болью и ощущением чужого присутствия. Про видео, которое показал ей Виктор. Про то, как она боялась возвращаться домой, как не спала ночами, как вздрагивала от каждого звука.

Она говорила долго, сбивчиво, иногда повторяясь. Следователь слушал молча, только изредка делал пометки в блокноте. Когда она закончила, он отложил ручку и посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом.

— Анна Сергеевна, — сказал он наконец. — Я, конечно, запишу ваше заявление. Но вы должны понимать: ваш муж может предоставить это видео, и тогда дело обернётся против вас. Ложный донос — это статья. И если выяснится, что вы оговорили его, то...

— Я не оговариваю! — она почти выкрикнула это. — Вы не понимаете! Я не помню, что делала! У меня амнезия!

— Я понимаю, — он поднял ладонь, останавливая её. — Но поймёт ли суд? Вот в чём вопрос. У нас есть видео, где вы, судя по вашему же рассказу, сами инициируете сексуальный контакт. И у нас есть ваше заявление об изнасиловании. Одно противоречит другому. Это будет трудно доказать.

— Но это правда! Я не помню!

— Правда, — он задумчиво побарабанил пальцами по столу. — Знаете, за годы работы я слышал много историй. И чем дальше, тем чаще убеждаюсь: правда — это не то, что есть. Правда — это то, во что верят. Или то, что может быть доказано. У вас есть медицинские документы. Это уже кое-что. Но достаточно ли этого для суда?

Анна молчала. Она не знала. Она вообще уже давно ничего не знала.

— Я всё равно хочу подать заявление, — сказала она тихо.

— Хорошо, — следователь вздохнул. — Я оформлю. Но предупреждаю: дальнейшее развитие событий может быть неприятным. Вам, возможно, придётся проходить освидетельствование, судебно-психиатрическую экспертизу. Ваш муж будет допрошен. И его видео будет рассматриваться как доказательство. Вы готовы к этому?

— Да, — она произнесла это, хотя внутри всё сжалось в тугую ледяной комок. — Готова.

Он протянул ей бланк. Белый лист с типографскими строчками, который пахнул казённой бумагой. Она взяла ручку, которую он ей подал. Ручка была старая, с погрызленным колпачком. Анна покрутила её в пальцах, потом приставила к бумаге и начала писать.

«Заявление. Я, Анна Сергеевна Мельникова, прошу привлечь к уголовной ответственности моего мужа, Виктора Анатольевича Мельникова, который...»

Она остановилась. Слова не шли. В голове всплыло лицо Виктора — не то лицо, которым он смотрел на неё, когда показывал видео, а то, другое, прежнее, из давно забытой жизни. Лицо, которое она когда-то любила. Она зажмурилась, прогоняя наваждение.

«...который в период с первого по третье число текущего месяца совершил в отношении меня действия сексуального характера без моего согласия, воспользовавшись моим состоянием здоровья, а именно циклической амнезией...»

Строчки ложились на бумагу ровно, почти каллиграфически. Удивительно, как спокойно она могла писать о том, что разрывало её изнутри. Может быть, потому что это уже не было её собственным решением. Это была необходимость. Выживание.

Она дописала, поставила подпись, дату. Придвинула бланк следователю. Тот взял его, пробежал глазами.

— Хорошо, — сказал он. — Я приму. Но имейте в виду: как только ваш муж узнает, он может повести себя непредсказуемо. Будьте осторожны.

— Я буду.

Она вышла из отделения, когда дождь наконец начал стихать. Капли всё ещё падали с неба, но уже не так яростно, словно само небо устало изливать свою печаль. Анна раскрыла зонт и медленно пошла по улице. Ей нужно было как-то прожить этот день. Вернуться домой, приготовить ужин, сделать вид, что ничего не произошло. А вечером, когда придёт Виктор, смотреть ему в глаза и ждать, когда начнётся следующий провал.

Она не знала, сколько ещё продержится. Не знала, правильный ли сделала шаг. Но одно знала точно: обратной дороги нет. Она написала заявление. И теперь должна была идти до конца. Какой бы ценой.

Она шла мимо мокрых деревьев, мимо серых домов, мимо людей, спешащих по своим делам, и чувствовала, как где-то внутри неё снова открывается та самая пустота. Знакомая, липкая, затягивающая. Она знала, что это значит. Новая фаза наступает. Возможно, завтра она проснётся и не вспомнит ничего из сегодняшнего дня. Не вспомнит, как писала заявление, как разговаривала со следователем, как стояла перед зеркалом и видела седую прядь. Всё это исчезнет, словно никогда не было.

И тогда останется только дневник. Её единственный союзник. Её единственный свидетель.

Она ускорила шаг. Ей нужно было вернуться домой до того, как начнётся провал. Иначе она могла оказаться где-нибудь в незнакомом месте, не понимая, как туда попала. Или ещё хуже — дома, но не одна.

Она почти бежала по лужам, не замечая, что капли снова забарабанили по зонту, как будто кто-то наверху включил невидимый кран. Вода стекала по краю зонта, попадала на лицо, смешиваясь со слезами, которые она даже не замечала. Она бежала домой, чтобы спрятаться от собственной жизни. Чтобы запереться на все замки. Чтобы снова открыть дневник и написать: «Я сделала это. Я подала заявление. Теперь всё будет по-другому».

Но будет ли? Она не знала. Она не знала ничего. И это было самое страшное.

Дверь квартиры захлопнулась за ней, отрезав звуки улицы. Она осталась в тишине, нарушаемой только стуком собственного сердца. Прошла на кухню, налила стакан воды, выпила залпом. Вода была тёплой, с привкусом ржавчины. Она поморщилась, поставила стакан в раковину.

В квартире было пусто и тихо. Слишком тихо. Она не стала включать свет, чтобы не привлекать внимания — хотя кого? Виктор ещё не должен был вернуться. Но всё равно. В темноте ей было уютнее. Она могла представить, что всё это — не её жизнь, а какой-то сон, который закончится пробуждением.

Она прошла в спальню, села на кровать. Матрас прогнулся под её весом, напоминая о том, сколько ночей она провела без сна. Она взглянула на прикроватную тумбочку. На ней стоял стакан с водой, таблетка снотворного, которую она так и не выпила, и зарядка от телефона. Телефон лежал рядом, тёмный, безжизненный. Она не включала его уже несколько часов. Возможно, пришли сообщения от Виктора. Возможно, от кого-то ещё. Ей было всё равно.

Она легла, не раздеваясь, прямо поверх покрывала. Тело казалось налитым свинцом. Голова раскалывалась. Она закрыла глаза, пытаясь отогнать мысли, но они возвращались снова и снова, как волны, набегающие на берег. Заявление. Полиция. Следователь. Видео. Виктор. Его лицо. Его руки. Его голос.

«Ты сама этого хотела».

Она вздрогнула. Эти слова всё ещё звучали в ней, как эхо в пустом зале. Она не знала, верить ли ему. Не знала, кем была в моменты провалов. Может быть, той самой женщиной с видео — соблазнительной, дерзкой, желающей. А может быть, и нет. Может быть, Виктор монтировал эти кадры, чтобы манипулировать ею. Но зачем? Зачем ему это?

Она не находила ответа. И это было страшнее всего.

Она лежала в темноте, слушая, как за окном шумит дождь, и думала о том, что завтра может стать последним днём её прежней жизни. Или первым днём новой. Она не знала. И это неведение было мучительнее любой физической боли.

Время шло. Часы на стене тикали — монотонно, неумолимо. Анна лежала с закрытыми глазами, но сон не приходил. Вместо сна пришла она — та самая пустота, которую она так

боялась. Она поднималась откуда-то из глубины, как туман со дна оврага, заволакивая всё вокруг. Мысли начали путаться, образы расплываться. Она уже не могла вспомнить, о чём думала минуту назад. Не могла вспомнить, где находится. Не могла вспомнить, кто она.

Последнее, что она успела осознать, — это то, что дождь за окном стих. И в наступившей тишине, такой глубокой, что можно было услышать биение собственного сердца, она провалилась. Не в сон. Не в обморок. В нечто иное. В то, что ждало её каждый раз, когда приходила амнезия. В темноту, которая была не концом, а началом. Началом чего-то, чего она не могла ни понять, ни предотвратить.

И в этой темноте не было ни страха, ни боли, ни сожалений. Была только пустота. Бесконечная, всепоглощающая пустота, которая умела ходить, говорить, дышать. И которая знала, что делать дальше.

А дальше был понедельник. Или уже вторник. Она не знала.

Когда Анна открыла глаза, было светло. За окном снова шёл дождь. Она лежала на кровати в той же позе, в какой легла. Одежда была на месте, покрывало не смято. Она прислушалась. В квартире было тихо. Часы на стене показывали десять утра. Значит, она проспала. Или не проспала. Или...

Она села, обхватила голову руками. Голова гудела, как после долгого перелёта. Вспоминала ли она вчерашний день? Смутно. Обрывками. Зеркало. Седой волос. Платье. Дождь. Полиция.

Полиция.

Она резко выпрямилась. Да. Она ходила в полицию. Писала заявление. Точно. Это было. Или нет? Воспоминания расплывались, как чернила на мокрой бумаге. Она попыталась удержать их, но они ускользали. Оставалось только смутное чувство, что произошло что-то важное. Что-то необратимое.

Она встала, подошла к туалетному столику, выдвинула ящик. Дневник был на месте. Она вытащила его, открыла. Последняя запись была сделана вчера. Её почерком. «Понедельник. Иду в полицию. Пишу заявление. Виктор должен ответить».

Значит, это было. Она действительно сделала это.

Анна закрыла тетрадь, прижала к груди. Сердце билось часто и неровно. Она боялась. Боялась того, что будет дальше. Боялась возвращения Виктора. Боялась собственной головы, которая в любой момент могла снова превратиться в пустую комнату без окон и дверей.

Но вместе со страхом в ней росло и что-то другое. Что-то похожее на решимость. Она не отступит. Она не даст ему снова сделать с ней то, что он сделал. Даже если придётся бороться с собственной памятью.

Она встала, подошла к окну. Дождь всё шёл. Третий, четвёртый, пятый день. Она уже сбилась со счёта. Казалось, этот город вообще не знал других времён года, кроме серого, мокрого бесконечного октября. Она прижалась лбом к холодному стеклу, пытаясь охладить пульсирующую боль.

И тут она услышала, как в замке поворачивается ключ.

Тело напряглось. Дыхание перехватило. Входная дверь открылась, и в прихожую вошёл Виктор. Она слышала его шаги, тяжёлые, уверенные. Слышала, как он снимает куртку, как ставит зонт в подставку. А потом — его голос.

— Аня, ты дома?

Она не ответила. Замерла у окна, как загнанный зверь. В голове билось одно-единственное слово: «Беги». Но бежать было некуда. Она сама загнала себя в ловушку. Или это он загнал её. Или они оба.

— Аня? — его шаги приближались. Спальня была последней комнатой в коридоре. Он шёл сюда. — Ты не поверишь, что я нашёл.

Она слышала в его голосе что-то странное. Не злость. Не раздражение. Скорее — веселье. Мрачное, злое веселье.

Дверь спальни открылась, и он вошёл. В руке у него был телефон. Экран светился.

— Помнишь, ты вчера ходила в полицию? — спросил он, и улыбка его была холодной, как лезвие ножа. — А вот у меня есть кое-что поинтереснее.

Он повернул телефон экраном к ней. Анна взглянула. На видео она — снова она, но теперь другая, из другой реальности — стояла перед ним с поднятыми кулаками. Её лицо искажала ненависть. Её рот кричал что-то, чего она не могла разобрать. И в следующую секунду она бросилась на него. Ударил. Ещё раз. Ещё.

Она смотрела на это, не в силах отвести взгляд. Смотрела, как та, другая женщина избивает собственного мужа. Смотрела, как Виктор уворачивается, отступает, просит её остановиться. А потом видео закончилось, и он снова улыбнулся.

— Ну что, — сказал он. — Теперь ты понимаешь, в какую игру мы играем?

Анна молчала. Она не могла произнести ни слова. Потому что поняла: то, что она считала концом, было лишь началом. И теперь у обоих были доказательства. И оба могли уничтожить друг друга.

Она взглянула на него. Он стоял в дверном проёме, высокий, тёмный, как сама судьба. И в его глазах она увидела нечто, чего не видела раньше. Не злобу. Не месть. Что-то глубже. Что-то, что показалось ей знакомым. Слишком знакомым.

И впервые ей пришло в голову, что, возможно, с ним происходит то же самое. Возможно, у него тоже есть дневник. Возможно, он тоже теряет память. Возможно, они оба не знают, кем становятся, когда наступает пустота.

Но она прогнала эту мысль. Потому что если это так, то их кошмар был ещё страшнее, чем она думала. Потому что тогда не было ни палача, ни жертвы. Были только две половинки одного безумия, которые не могли существовать друг без друга.

И тогда ей стало по-настоящему страшно.

Она отвернулась к окну. Дождь всё шёл. Теперь он напоминал не о печали, а о бесконечности. О том, что некоторые вещи не заканчиваются никогда. Просто меняют форму.

Как и они.

Глава 2. Чужая память

Виктор проснулся от того, что в комнате было слишком тихо. Не просто тихо — а так, как бывает только в пустом доме, из которого ушли все звуки, кроме одного: глухого, монотонного стука дождя по карнизу. Он открыл глаза и некоторое время лежал неподвижно, разглядывая потолок. По потолку расплзлось серое пятно — след давней протечки, которую они так и не удосужились устранить. Пятно было похоже на карту неведомого континента: рваные края, извилистые линии, тёмные архипелаги. Виктор смотрел на него и пытался понять, что не так.

Тело казалось чужим. Тяжёлым, неповоротливым, словно за ночь его набили песком. Во рту пересохло, губы слиплись. Он провёл языком по нёбу — вкус был отвратительный, как будто он жевал алюминиевую фольгу. Знакомый привкус. Слишком знакомый.

Он медленно сел, спустил ноги на пол. Пол был холодным, и это приятно резануло ступни, возвращая его к реальности. Рядом, на второй половине кровати, Анны не было. Покрывало с её стороны было смято, но не так, как будто она спала, а так, как будто она просто сидела на краю и потом ушла. Или не ложилась вовсе.

Он прислушался. В квартире — ни звука. Только дождь. Только его собственное дыхание.

Виктор встал, натянул спортивные штаны, валявшиеся на стуле, и вышел в коридор. Дверь в ванную была приоткрыта, из-под неё пробивалась полоска тусклого утреннего света. Он подошёл, заглянул. Пусто. Ванна сухая, полотенце висит на крючке, зеркало запотевшее? Нет, чистое. Значит, душ не принимали. Или принимали давно.

Он прошёл на кухню. Тоже пусто. Чайник холодный, кружка Анны стоит в раковине — на дне остатки вчерашнего кофе, успевшего покрыться мутной плёнкой. Виктор взял кружку, повертел в пальцах. Отметил про себя, что Анна опять не вымыла за собой посуду. Впрочем, это было меньшей из проблем.

Он поставил кружку обратно, подошёл к окну. Дождь всё шёл, сея мелкой ледяной пылью по стеклу. Улица внизу тонула в серой дымке. Прохожие, редкие и сутулые, спешили по своим делам, прикрываясь зонтами, как испуганные улитки. Виктор смотрел на них и думал о том, что каждый из этих людей, наверное, тоже что-то скрывает. У каждого свой скелет в шкафу. Свой дневник. Своя пустота.

Он усмехнулся сам себе. Слишком пафосно. Слишком по-киношному. Но в последние месяцы его жизнь действительно превратилась в дурной фильм, из которого нельзя выйти. Он был заперт в сюжете, где собственная жена то ли жертва, то ли агрессор, то ли и то и другое одновременно. А сам он не знал, кем является в этой истории.

Он подошёл к шкафчику над плитой, достал пачку сигарет — старую, припрятанную на чёрный день. Курить он бросил три года назад, но иногда наступали моменты, когда лёгкие требовали дыма, как наркоман требует дозу. Сейчас был именно такой момент. Он вытащил сигарету, сунул в рот, щёлкнул зажигалкой. Огонёк дрогнул, осветив его лицо в полумраке кухни. Глубоко затянулся.

Дым обжёг горло, заставил закашляться. Он прижал кулак к губам, сдерживая кашель. В голове зашумело. Нет, не от никотина — от воспоминаний, которые не желали складываться в стройную картину. Вчерашний вечер. Что было вчера вечером?

Он помнил, как пришёл домой. Помнил, как показывал Анне то самое видео. Помнил её лицо — бледное, осунувшееся, с расширенными от ужаса зрачками. Помнил, как она молчала, а потом отвернулась к окну. И всё. Дальше — провал.

Он затянулся ещё раз, глубже, почти до боли. Дым заполнил лёгкие, растворился в крови. Стало немного легче. Или это самообман.

Виктор докурил, раздавил окурочек в пепельнице, которую хранил на случай редких ночных срывов, и открыл окно. В кухню ворвался влажный холодный воздух, пахнувший мокрым

асфальтом и прелыми листьями. Он постоял так несколько секунд, позволяя ветру выдуть из головы остатки сна. Потом закрыл окно и направился в свой кабинет.

Кабинетом эту комнату называли по привычке. На самом деле это была бывшая кладовка, которую Виктор оборудовал под рабочий уголок: узкий стол, старый ноутбук, стеллаж с папками и коробками, набитыми документами, проводами, ненужным хламом. Здесь было тесно, душно и как-то по-особенному мрачно, но именно здесь он чувствовал себя в относительной безопасности. Единственное место в квартире, куда Анна почти не заходила.

Он сел на скрипучий стул, откинулся на спинку, прикрыл глаза. Перед внутренним взором снова всплыло её лицо. Точнее, два лица. Одно — то, которое он знал двенадцать лет. Другое — то, которое появилось в последние полгода. Лицо из видео. Искажённое яростью, неузнаваемое, чужое. Лицо женщины, которая бросалась на него с кулаками, как дикий зверь.

Он потёр виски. Пальцы были холодными, липкими от пота. Внутри всё бурлило — смесь злости, страха и чего-то ещё, чему он не мог подобрать названия. Может быть, вина. Может быть, сожаление. Может быть, то самое чувство, которое испытываешь, когда понимаешь, что теряешь человека, но не знаешь, как его удержать.

Он наклонился, выдвинул нижний ящик стола. Под стопкой старых журналов, точно так же, как Анна прятала свой дневник, лежала толстая тетрадь в чёрной обложке. Его дневник. Его собственная исповедь. Его единственный свидетель.

Виктор вытащил тетрадь, положил перед собой. Рука легла на обложку, ощутив шершавую поверхность. Он не открывал её уже три дня. Боялся. Потому что знал: последняя запись сделана в один из тех дней, которые он не помнит. В один из провалов. И читать её было всё равно что заглядывать в бездну, которая смотрит в ответ.

Но откладывать было нельзя. Если он не прочтёт сейчас, то упустит нить. Упустит то, что происходит с ним и с Анной. Упустит самого себя.

Он открыл тетрадь. Последняя запись была сделана неровным почерком, который Виктор с трудом узнал как собственный. Буквы плясали, строчки уходили вниз, словно рука не слушалась хозяина.

«Суббота. Опять ночь. Она опять ходила по квартире. Я слышал её шаги. Она думает, что я сплю, но я не сплю. Я уже давно не сплю. Мне страшно. Что, если она снова нападёт? Что, если я не успею защититься? У меня есть видео. Я снял его в прошлый раз, когда она бросилась на меня. Это было инстинктивно — я просто включил камеру. Теперь это моя страховка. Но хватит ли этого? Она подала заявление в полицию. Я знаю. Она сказала об этом. Или не сказала? Не помню. Всё путается. Я не знаю, что я делаю в провалы. Может быть, я тоже зверь. Может быть, я хуже её. Боже, помоги мне. Я не хочу быть этим человеком».

Запись обрывалась. Последняя строка была перечёркнута несколько раз, так что бумага в этом месте протёрлась до дыр. Виктор смотрел на эти каракули и чувствовал, как холод поднимается откуда-то из живота, достигает груди, сдавливая горло. Он не помнил, чтобы писал это. Не помнил, чтобы перечёркивал последнюю строку. Не помнил, чтобы умолял Бога о помощи. Он вообще не верил в Бога.

И всё же это было его рукой. Его мыслями. Его страхом.

Он пролистнул назад. Записи шли неровно, с пробелами в несколько дней. Иногда — несколько строк. Иногда — целые страницы. Где-то — сухие отчёты: «Был на работе. Вечером смотрел телевизор. Ничего необычного». Где-то — обрывки мыслей: «Мне кажется, я теряю рассудок. Или она меня сводит с ума. Или мы оба уже сошли». Чем дальше вглубь, тем хаотичнее становился текст. Виктор читал его, как дневник постороннего человека. Чужого. Больного.

Он дошёл до записи двухнедельной давности. Она была длиннее остальных, написанная более твёрдой рукой.

«Вторник. Я наконец понял. У неё не просто амнезия. У неё цикл. Семь дней. Ровно семь дней она живёт как будто в двух режимах: несколько дней помнит, несколько дней нет. Но я

заметил закономерность: её провалы начинаются в определённые дни. Вторник, среда, четверг. А потом она как будто перезагружается. Я не знаю, что делать с этой информацией. Но я её записал. Чтобы не забыть. Потому что у меня, кажется, тоже есть цикл. Только мой сдвинут на два дня. Я не помню пятницу, субботу, воскресенье. А она, судя по всему, — вторник, среду, четверг. Мы как два сообщающихся сосуда. Когда я пуст, она полна. Когда она пуста, полон я. И эта пустота — наш единственный общий язык».

Виктор откинулся на спинку стула. Сердце билось где-то в горле. Он не помнил, чтобы писал это. Абсолютно не помнил. Но факт оставался фактом: он, Виктор Мельников, задокументировал собственное сумасшествие. Или свою гениальную догадку. Или и то и другое.

Он закрыл тетрадь, прижал ладонь к лицу. Пальцы дрожали. Та самая дрожь, которую он так часто замечал у Анны. Теперь она передалась и ему. Или была у него всегда, но он не обращал внимания.

— Чёрт, — прошептал он. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Он сидел так несколько минут, пытаясь собрать мысли воедино. Но они разбегались, как тараканы. Одна мысль цеплялась за другую, та — за третью, и все вместе они образовывали клубок, который невозможно было распутать.

Что он знал наверняка? Что у Анны есть амнезия. Что у него, возможно, тоже. Что они оба ведут дневники, чтобы хоть как-то удержаться за реальность. Что у него есть видео, на котором Анна его избивает. Что у Анны есть заявление в полицию об изнасиловании. И что в промежутках между этими событиями — пустота, которую он не контролирует.

Он встал, подошёл к окну. Дождь усиливался. Небо было тяжёлым, низким, как мокрое одеяло. Виктор смотрел на него и впервые за долгое время чувствовал нечто похожее на отчаяние. Не злость, не раздражение, не усталость. Именно отчаяние. Глухое, вязкое, как трясина.

Что, если он действительно насиловал Анну? Что, если в те дни, которые он не помнит, он превращался в чудовище? Что, если видео с её нападением — лишь ответная реакция на его собственные зверства? Он не знал. И не мог узнать. Потому что его память была дырявой, как старый невод.

Он вернулся к столу, выдвинул другой ящик, достал телефон. На экране — несколько пропущенных звонков. Один от следователя, кажется. Или это было вчера? Он не помнил. Память путалась, как лента Мебиуса.

Виктор разблокировал телефон, открыл галерею. Видео. Их было несколько. Он снимал их тайком, по ночам, когда Анна ходила по квартире. Сначала просто для того, чтобы понять, что с ней происходит. Потом — чтобы защитить себя. Теперь эти записи казались ему оружием, которое может выстрелить в любую сторону.

Он включил первое попавшееся. Трясущаяся картинка, снятая, очевидно, из дверного проёма спальни. На экране — Анна в ночной рубашке, босая, с распущенными волосами. Она стоит посреди комнаты, спиной к камере, и что-то бормочет. Слов не разобрать, только глухое, невнятное мычание. Потом она медленно поворачивается. Лицо — пустое. Глаза открыты, но взгляд отсутствует. Она не смотрит на него. Она смотрит сквозь него.

Виктор выключил видео. Руки тряслись ещё сильнее. Он не должен был этого видеть. Или должен. Чтобы помнить. Чтобы не забывать, с кем живёт. Но что, если и он в такие моменты выглядит так же? Что, если и его лицо в провалы становится пустым и безумным?

Он отбросил телефон на стол, закрыл лицо руками. Впервые за много лет ему захотелось заплакать. Но слёзы не приходили. Вместо них пришла холодная, расчётливая ясность. Та самая, которая появляется у людей, загнанных в угол. Он должен действовать. Должен опередить её. Должен доказать, что не является тем чудовищем, в которого она его превращает.

Или является. Но он не должен позволить ей узнать об этом.

Виктор встал, вышел из кабинета. В квартире по-прежнему было тихо. Слишком тихо. Анны не было. Куда она ушла? Может быть, снова в полицию. Может быть, к врачу. Может быть, просто бродит по улицам под дождём, пытаясь убежать от собственной головы.

Он прошёл на кухню, налил в стакан воды, выпил залпом. Вода была тёплой, невкусной. Он поморщился, поставил стакан в раковину. Взгляд упал на мусорное ведро. Сверху лежала смятая бумажка. Виктор наклонился, вытащил её. Развернул.

Это был черновик заявления. Написанный рукой Анны. Точнее, часть черновика. Обрывки фраз: «прошу привлечь... без моего согласия... воспользовавшись состоянием... циклической амнезией...». Остальное было размыто водой или порвано.

Виктор смотрел на этот клочок бумаги, и внутри него всё сжималось в тугий узел. Значит, она действительно подала заявление. Не просто ходила. Не просто думала. Подала. Официально. Теперь это дело не остановить. Теперь его будут вызывать, допрашивать, копаться в его жизни. Теперь всё станет достоянием чужих людей.

И тогда всплывёт и его тайна. Его дневник. Его провалы. Его пустота.

Он скомкал бумажку, швырнул обратно в ведро. Нервно прошёлся по кухне из угла в угол. Шаги отдавались гулко, как в пустом зале. Нужно было что-то предпринять. Но что? Бежать? Уничтожить доказательства? Признаться? В чём?

Он остановился у окна, прижался лбом к стеклу. Дождь барабанил по стеклу, как будто сама природа выбивала азбуку Морзе. Виктор не знал азбуку Морзе. Но ему казалось, что он понимает, о чём говорит небо. Оно говорит: «Ты в ловушке. Вы оба в ловушке. И выхода нет».

Он закрыл глаза. И в этот момент услышал, как в замке поворачивается ключ.

Сердце ёкнуло. Виктор резко обернулся. Дверь открылась, и в прихожую вошла Анна. Она была в том самом сером платье, которое он запомнил с утра. Волосы растрёпаны, на лице — ни грамма косметики. Она выглядела измождённой, но в глазах её горел какой-то новый, незнакомый огонь. Огонь человека, который принял решение.

— Ты дома, — сказала она, и это прозвучало не как вопрос, а как утверждение. Даже с каким-то вызовом.

— Как видишь, — ответил Виктор, стараясь придать голосу спокойствие. Получилось не очень.

Она сняла плащ, повесила его на крючок. Дождевые капли с плаща упали на пол, оставив тёмные пятна на ламинате. Анна не обратила на это внимания. Она прошла на кухню, остановилась в паре шагов от него.

— Я была у следователя, — сказала она ровным голосом. — Дело принято. Тебя вызовут на допрос.

— Знаю.

— Откуда?

— Мне звонили. Или написали. Не помню.

Она прищурилась, вглядываясь в его лицо. Что она искала? Признание? Раскаяние? Страх? Виктор не знал. Он старался держаться невозмутимо, но внутри всё вибрировало.

— Ты помнишь, что было в субботу? — спросила она вдруг.

Вопрос прозвучал как удар хлыста. Виктор на секунду замешкался.

— Субботу? — переспросил он, пытаясь выиграть время. — А что было в субботу?

— Ты не помнишь.

Это было утверждение, и в нём прозвучала какая-то мрачная удовлетворённость. Виктор почувствовал, как к щекам приливает жар.

— А ты? — парировал он. — Ты помнишь?

Анна отвела взгляд. Её лицо напряглось.

— Я помню достаточно, чтобы написать заявление.

— Но не достаточно, чтобы помнить, как сама на меня бросалась?

Она снова посмотрела на него. В её глазах на миг промелькнуло что-то тёмное, необузданное. То самое, с видео.

— Ты показывал мне запись, — сказала она тихо. — Но запись — это не вся правда. Это только то, что ты решил снять.

— А что было за кадром? — усмехнулся Виктор. — Ты хочешь сказать, что я сам тебя спровоцировал?

— Я хочу сказать, что не знаю. Но я знаю, что не могла напасть на тебя без причины.

— Причина могла быть в твоей голове. В твоей болезни.

— А твоя болезнь? — она сделала шаг вперёд. — Ты думаешь, я не вижу? Ты думаешь, я не замечаю, что с тобой тоже что-то происходит?

Виктор замер. Вот оно. Она знает. Или догадывается. Или просто пытается нащупать слабое место. Нужно было отвечать осторожно.

— Со мной всё в порядке, — сказал он, и сам не поверил своим словам.

— В порядке? — она невесело рассмеялась. — Человек, у которого всё в порядке, не снимает жену скрытой камерой. Не хранит видео. Не следит за ней по ночам.

— Откуда ты знаешь про камеру?

— Я нашла твой ноутбук. Случайно.

Виктор почувствовал, как земля уходит из-под ног. Его тайна, которую он так тщательно оберегал, была раскрыта. И не просто раскрыта — использована против него.

— Ты рылась в моих вещах? — его голос дрогнул.

— А ты — в моих. Я знаю, что ты читал мой дневник.

Они стояли друг напротив друга, как два противника на дуэли. Между ними искрило напряжение, готовое в любую секунду перерасти в ссору. Или в нечто худшее. Виктор смотрел на Анну и не узнавал её. Или узнавал, но боялся себе в этом признаться.

— Мы оба зашли слишком далеко, — сказал он наконец. — Может, остановимся?

— Уже поздно, — ответила она. — Я написала заявление. Дело возбуждено. Обратной дороги нет.

— Можно забрать заявление.

— Нет. Я не заберу.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что будет дальше. Потому что я боюсь тебя. Потому что я не помню, что я делаю, когда наступает провал. И ты тоже не помнишь. Мы оба — бомбы замедленного действия. Но моя бомба уже сдетонировала. А твоя — ещё нет.

Она развернулась и вышла из кухни. Виктор остался стоять, оглушённый. Её слова эхом отдавались в голове. «Мы оба — бомбы замедленного действия». Значит, она всё понимает. Значит, она видит в нём то же, что он видит в ней. Но тогда почему она настаивает на обвинении? Почему не пытается разобраться вместе?

Он прошёл в гостиную, сел на диван. Тело казалось ватным. В комнате было сумрачно, дождь барабанил по стеклу, как сумасшедший. Виктор смотрел в одну точку и пытался собрать мысли.

Он не знал, сколько просидел так. Минуты, часы? Телефон на столике зазвонил неожиданно, заставив его вздрогнуть. Он посмотрел на экран: номер незнакомый. Городской. Похоже, из отдела полиции.

Он не взял трубку. Звонок оборвался, потом раздался снова. И снова. Виктор смотрел на вибрирующий телефон, как на змею, и не решался прикоснуться. Наконец набрался смелости, поднёс к уху.

— Алло? — голос прозвучал хрипло.

— Виктор Анатольевич? — на том конце провода был мужской голос, молодой, но какой-то усталый. — Это следователь Смирнов. Вы должны явиться на допрос в отдел полиции по месту жительства. Завтра, к девяти утра. Пропуск на вас заказан.

— Зачем? — тупо спросил Виктор.

— По заявлению вашей супруги. Об изнасиловании. Вам нужно будет дать показания.

— Я не насиловал её.

— Вот и расскажете это нам. В письменной форме. И принесёте все имеющиеся у вас доказательства, если таковые есть.

Виктор молчал. В виске пульсировала кровь.

— Вы слышали меня? — переспросил следователь.

— Слышал.

— Тогда до завтра.

Телефон отключился. Виктор медленно опустил руку. В голове стоял звон. Завтра. Значит, у него меньше суток, чтобы решить, как действовать. Меньше суток, чтобы понять, кто он — жертва или палач. Меньше суток, чтобы не сойти с ума окончательно.

Он поднялся, прошёл в кабинет, сел за стол. Достал дневник. Открыл чистую страницу. Взял ручку. Почерк был неровным, буквы плясали, но он писал. Писал всё, что чувствовал. Всё, что помнил и не помнил. Всё, что боялся признать.

«Вторник. Меня вызвали на допрос. Я не знаю, что будет завтра. Я не знаю, кем я стану завтра. Но я знаю одно: если я не возьму себя в руки, мы оба погибнем. И я не знаю, страшит меня это или приносит странное облегчение. Потому что в провалах, когда я не помню себя, я, возможно, уже давно погиб. И осталась только оболочка. Которая умеет ходить, говорить и ненавидеть. Которая умеет снимать видео. Которая умеет ждать».

Он поставил точку, закрыл тетрадь. За окном снова хлынул дождь — сильный, яростный, как будто небеса прорвало. Виктор смотрел в темноту и думал о том, что завтра может стать последним днём их старой жизни. Или первым днём новой, ещё более страшной.

В прихожей хлопнула дверь. Анна ушла. Или пришла? Он не был уверен. Звуки путались, как и мысли. Он остался сидеть в кабинете, прислушиваясь к тишине, которая вовсе не была тишиной. В ней жили шаги, дыхание, сердцебиение. И пустота, которая умела говорить голосами их обоих.

Он не помнил, как заснул. Просто в какой-то момент темнота за окном сомкнулась, и его сознание растворилось в ней, как сахар в кипятке. И снова пришёл провал. Тот самый, который он ненавидел и ждал одновременно.

А где-то в недрах его мозга, в той части, которая не подчинялась ни времени, ни памяти, начала формироваться новая запись. Та, которую он прочитает завтра. И которая, возможно, изменит всё.

Ночь была долгой. Дождь не прекращался. Город тонул в воде, как гигантский корабль, давший течь. И в одной из квартир этого города, в маленькой тёмной комнате, за столом, заваленным бумагами, спал человек, который уже не знал, кто он. А за стеной, в спальне, не спала женщина, которая знала, кто она, но боялась этого знания.

И между ними — стена. Тонкая, картонная, не способная защитить ни от зла, ни от памяти, ни от любви, которая давно превратилась в свою противоположность.

Так закончился второй день. И начался третий.

Глава 3. Свидетель пустоты

Анна не спала почти всю ночь. Она лежала на спине, уставившись в потолок, который тонул в сером полумраке, и слушала, как дождь стучит по подоконнику. Этот звук стал для неё чем-то вроде камертона — по нему она сверяла собственное состояние. Если дождь монотонный, ровный, без порывов, значит, реальность ещё держится, не рвётся по швам. Если же капли начинали сбиваться, захлёбываться, превращаясь в сплошной шум, это был дурной знак. Это значило, что внутри неё снова поднимается пустота, готовая поглотить всё, что она помнит, знает, чувствует.

Этой ночью дождь вёл себя предательски спокойно. Слишком спокойно. Как зверь, который затаился перед прыжком.

Она повернула голову и посмотрела на Виктора. Он спал на своей половине кровати, отвернувшись к стене. Одежда сползла, обнажив широкую спину, перечёркнутую косой тенью от окна. Дыхание было глубоким, ровным, почти неестественным — так дышат люди, которые не спят, а притворяются. Анна вглядывалась в его силуэт, пытаясь понять, спит ли он на самом деле или тоже лежит, слушая дождь и притворяясь спящим. Она не знала. Она уже давно не могла отличить его сон от его бодрствования, его правду от его лжи, его болезнь от своей.

Ей вспомнился разговор, который случился между ними несколько часов назад. Точнее, не разговор — обмен колкостями, короткая, изматывающая стычка, оставившая после себя ощущение разорванной ткани. «Ты рылась в моих вещах?» — «А ты — в моих. Я знаю, что ты читал мой дневник». Каждое слово — как удар ножом. Они уже не умели говорить иначе. Их брак превратился в бесконечный допрос, где каждый был и следователем, и подозреваемым.

И всё же были мгновения — как это, ночное, — когда ненависть отступала, и на её место приходило нечто иное. Не любовь. Слишком громкое слово для того, что осталось. Скорее — тоска по тому, чего уже нет. По тому Виктору, за которого она выходила замуж. По той Анне, которой она была до болезни. По их общей жизни, которая когда-то казалась простой и понятной, а теперь превратилась в клубок из страхов, обид и провалов.

Она вздохнула и отвернулась к окну. Нужно было вставать. Сегодня ей предстояло снова идти в полицию — на сей раз на полноценный допрос. Она не знала точно, во сколько её ждут, но вчерашний звонок следователя засел в голове: «Приходите завтра к десяти утра. Нужно будет уточнить детали вашего заявления и снять показания». Десять утра. Теперь это было главной точкой дня, к которой сходились все её мысли.

Она села, спустила ноги на пол. Холод паркета обжёг ступни. Хорошо. Холод возвращал её в тело, не давал улететь в те серые зоны, где обитала пустота. Анна посидела так несколько минут, прислушиваясь к себе. Голова была тяжёлой, но ясной. Мысли текли медленно, но последовательно, как густой сироп. Это был добрый знак. В такие дни она ещё могла контролировать себя. Ещё могла помнить.

Она встала, накинула халат, висевший на спинке стула. Прошла в ванную, не включая свет, чтобы не разбудить Виктора. В темноте её отражение в зеркале казалось чужим — смазанный силуэт, расплывающиеся черты. Она долго смотрела на него, словно ждала, что отражение заговорит. Но оно молчало. Только вода в кране едва слышно капала, отсчитывая секунды.

Она умылась ледяной водой. Кожу стянуло, дыхание перехватило. Сон окончательно отступил. Анна вытерлась жёстким полотенцем, от которого пахло чем-то затхлым, как от старого подвала. Полотенце давно не меняли. Вообще, быт в их доме давно пришёл в упадок. Всё разваливалось, как и их жизнь.

Она вернулась в спальню, оделась в тёмное, почти траурное. Юбка ниже колена, глухая блузка, волосы убраны назад. Ей хотелось выглядеть строго, собранно, достоверно. Чтобы сле-

дователь увидел в ней не истеричку, а человека, который знает, что делает. Человека, которому можно верить.

Перед уходом она снова заглянула в дневник. Последняя запись была сделана вчера, уже после возвращения домой. Анна перечитала её, чтобы закрепить в памяти события.

«Понедельник. Ходила в полицию. Написала заявление. Следователь — молодой, усталый, кажется, не верит до конца. Но принял. Завтра допрос. Виктор узнал. Он показал мне ещё одно видео. Теперь я не знаю, кто я. И кто он. Но знаю одно: я должна идти до конца. Иначе пустота сожрёт меня целиком».

Она закрыла тетрадь, убрала в тайник. В соседней комнате скрипнул пол. Анна замерла. Виктор проснулся. Она слышала, как он ворочается, как шаркает босыми ногами, как идёт на кухню. Через несколько секунд оттуда донёсся звук включаемой кофемашины — низкое, утробное гудение, от которого у Анны свело зубы.

Она выждала пару минут, потом вышла в коридор. Виктор стоял у окна спиной к ней, держа в руке чашку. На нём были только мятые спортивные штаны. Волосы растрёпаны, на шее — красный след от подушки. Он не обернулся, когда она вошла.

— Уходишь? — спросил он, не поворачиваясь.

— Да. Мне нужно к десяти.

— К десяти, — повторил он, словно пробуя это слово на вкус. — Значит, к следователю.

— Да.

Он отпил кофе, поставил чашку на подоконник. Наконец обернулся. Лицо его было тяжёлым, как небо за окном. Под глазами — тёмные круги, щетина заострила черты.

— Ты понимаешь, что делаешь? — спросил он тихо. В голосе не было ни злости, ни сарказма. Только усталость. Глубокая, всепоглощающая.

— Понимаю, — ответила Анна, хотя сама не была до конца уверена.

— Тебе не кажется, что мы уничтожаем друг друга?

— Мы уже давно это делаем. Просто теперь это станет официальным.

Виктор покачал головой. Уголки его губ дрогнули в подобии усмешки — горькой, обречённой.

— Ты не помнишь, что было в ту ночь, — сказал он. — Но я тоже не помню. И это самое страшное. Мы оба не помним. А значит, оба можем быть виновны.

— Или оба невиновны, — добавила она.

— Или так. Но суду это не объяснишь.

Анна промолчала. Что тут скажешь? Он был прав. Суд не верит в амнезию. Суд верит в факты, в доказательства, в видеофайлы. А факты были против них обоих.

Она надела плащ, повязала шарф. Дождь за окном усилился, и ей предстояло снова идти через эту водяную стену. Она задержалась у двери, бросив прощальный взгляд на Виктора. Он стоял всё в той же позе — у окна, с чашкой в руке. И в этот момент он показался ей не врагом, не мучителем, а просто уставшим человеком, который заблудился в собственной жизни.

— Будь осторожна, — сказал он, и это прозвучало почти как мольба.

Она не ответила. Просто вышла, закрыла дверь, оставив его наедине с дождём и его дневниками.

Улица встретила её мокрым холодом. Она раскрыла зонт, шагнула под струи. Вода барабанила по ткани, стекала по спицам, попадала на лицо. Анна шла быстро, почти бегом, перепрыгивая через лужи. Ей нужно было успеть до десяти. Ей нужно было быть собранной. Ей нужно было не потеряться в собственной голове.

Она добралась до отделения полиции за двадцать минут. У входа стояла небольшая группа людей — кто-то курил под козырьком, кто-то нервно тербил зонт. Анна обошла их стороной, толкнула тяжёлую дверь. Внутри было тепло, душно, пахло всё тем же кислым дезинфицирующим средством. Дежурный за перегородкой поднял на неё глаза, узнал, кивнул.

— Вам к следователю Смирнову? — спросил он. — Кабинет двенадцать. Прямо по коридору, налево.

— Спасибо, — Анна кивнула и пошла в указанном направлении.

Коридор был узким, с высоким потолком, выкрашенным в блёклый зелёный цвет. Лампы под потолком гудели, мигая с мерной периодичностью. Пахло бумажной пылью и чем-то неуловимо казённым. Анна шла, считая шаги, чтобы не отвлекаться на мысли. Один, два, три. На четвертом шаге её рука дрогнула, и зонт, который она так и не сложила, упал на пол. Она наклонилась, подняла его, и в этот момент почувствовала, как в голове что-то щёлкнуло.

Нет. Только не сейчас.

Она выпрямилась, прислонилась к стене. Дыхание сбилось. Перед глазами поплыли круги. Она знала этот признак. Слишком хорошо знала. Так начинался провал. Не всегда, но часто. Сначала — щелчок, потом — ощущение, что стены отодвигаются, потом — серая пелена, которая затягивает сознание, как тряпина.

Анна зажмурилась, сжала зубы. Она не могла допустить этого здесь. Не сейчас. Не перед допросом. Она судорожно нащупала в кармане маленький металлический предмет — зажигалку, которую носила с собой уже несколько лет, хотя не курила. Она сжала её в ладони, сосредоточилась на холодном железе, на острых гранях, впивающихся в кожу. Боль помогла. Пелена отступила. Круги перед глазами рассеялись.

Она выдохнула. Пронесло.

Она дошла до кабинета номер двенадцать. Постучала. Из-за двери послышалось: «Войдите». Анна толкнула дверь и вошла.

Следователь Смирнов сидел за столом, заваленным бумагами, и что-то быстро писал в блокноте. Рядом стоял стакан с остывшим чаем, в котором плавал размокший пакетик. При появлении Анны он поднял голову, пригладил волосы, поправил очки.

— Анна Сергеевна, — сказал он, — присаживайтесь.

Она опустилась на стул напротив. Стул был жёстким, неудобным, со спинкой, которая давила на поясницу. Анна сложила руки на коленях, стараясь унять дрожь.

— Как вы себя чувствуете? — спросил следователь, и в его голосе прозвучало нечто похожее на искреннюю озабоченность. Или это была игра.

— Нормально, — ответила она. — Учитывая обстоятельства.

— Понимаю. — Он откинулся на спинку, постучал ручкой по столу. — Я изучил ваше заявление, а также медицинские документы, которые вы предоставили. Ситуация, скажем прямо, нестандартная. Вы утверждаете, что в момент предполагаемого преступления находились в состоянии диссоциативного расстройства, что лишает вас возможности вспомнить события. Я правильно понимаю?

— Да. У меня циклическая амнезия. Я теряю память на определённые дни. В эти дни я могу делать что угодно, но потом ничего не помню.

— И вы считаете, что ваш муж воспользовался этим состоянием?

— Да. Я проснулась с болью, с синяками. И с ощущением, что произошло что-то страшное. Я не помню, что именно, но моё тело помнит. Понимаете?

Следователь кивнул, сделал пометку в блокноте. Его лицо оставалось бесстрастным, но в глазах что-то зажёглось — какой-то профессиональный интерес.

— У вас есть доказательства физического насилия? — спросил он. — Следы, освидетельствование?

— Я не делала освидетельствование. Я была слишком напугана.

— Понимаю. Но это усложняет дело. Без медицинского подтверждения очень трудно доказать, что имело место именно изнасилование. Особенно если у вашего мужа есть видео, на котором вы выглядите... скажем так, инициативной.

— Это была не я, — Анна произнесла это с отчаянием, но тут же осознала, насколько жалко это звучит. — Точнее, я, но не в себе. Я не помню.

— Это и есть главный парадокс, — Смирнов наклонился вперёд. — Если вы не помните, то не можете утверждать, что не давали согласия. А если вы не помните, то не можете утверждать и обратное. Ваш муж, в свою очередь, утверждает, что вы были в сознании и действовали добровольно. И у него есть видеозапись.

— Это было в другой день. Видео с нападением — это ответ на то, что он сделал со мной.

— Вы помните нападение?

Анна замялась. Вот он, главный вопрос. Тот самый, на который у неё не было ответа.

— Нет, — прошептала она. — Не помню.

— Тогда откуда вы знаете, что это было ответом?

— Потому что я не могла напасть на него просто так. Я не агрессивный человек.

— В обычном состоянии — да. Но в состоянии амнезии вы можете быть кем угодно. Вы сами это признаёте.

Анна опустила голову. В висках стучало. Следователь был прав. Она не могла ничего доказать. Не могла ни подтвердить, ни опровергнуть. Она была заперта в клетке собственного незнания.

— Послушайте, — Смирнов смягчил тон, — я не хочу вас запугивать. Но вы должны понимать, в какую ситуацию попали. Ваш муж тоже предоставил некоторые материалы. Он утверждает, что вы неоднократно нападали на него. Он готов писать встречное заявление. Если дело дойдёт до суда, вам обоим придётся пройти судебно-психиатрическую экспертизу. И результаты могут быть непредсказуемыми.

— Я готова, — сказала Анна, хотя голос её предательски дрогнул.

— Хорошо. Тогда давайте по порядку. Я буду задавать вопросы, вы — отвечать. Постарайтесь вспомнить как можно больше деталей. Даже тех, которые кажутся вам незначительными.

И начался допрос. Вопросы сыпались один за другим, как капли дождя по стеклу. Когда вы почувствовали первые симптомы? Как часто происходят провалы? Что вы делаете в эти дни? Как ведёт себя ваш муж? Были ли конфликты раньше? Почему вы не обратились за помощью раньше? Почему не ушли от него? Почему не рассказали родным? Почему? Почему? Почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.